

«критическое осмысление настоящего и еще более критическое осмысление прошлого» (С.36).

В «великой державе поневоле» никак не ощущаются признаки «Sonderweg». «Проблема» особого пути» в современной Германии рассматривается как сугубо исторический феномен. Желания снова повернуть в эту сторону в интеллектуальных кругах не прослеживается, если не считать суждения некоторых идеологов на праворадикальной обочине» (С.113). Однозначный отказ от «Sonderweg» характерен для ФРГ с момента ее образования. Б.С.Орлов присоединяется к следующей мысли видного теоретика Социал-демократической партии Германии Рихарда Лёвентала: «В первый раз на немецкой земле возникла гражданская форма жизни в западном смысле, опирающаяся на либеральный государственный экономический строй, в разной степени удаленная от иерархического подданничества Вильгельминовской эры и бесформенного брожения Веймарского времени» (С.136).

Исходя из показа германских реалий, крупный российский ученый делает вывод о предсказуемости данной страны как партнера в системе международных политических координат в долгосрочной перспективе. Это особенно важно для многих стран, которые в исторической ретроспективе были объектами германской агрессии: известно, что в их число входит и Республика Беларусь.

Б.С.Орлов на базе мощной аргументации доказывает искренность заявлений представителей политической элиты ФРГ о том, что у этой страны нет намерений стать великой державой, которая, согласно канонам старой геополитики, стремилась бы реализовывать имперские амбиции на основании нарастающей глобальной вовлеченности. В данной связи целесообразно сравнить полемику автора с известным российским германистом бывшим ответственным работником МИДа СССР Игорем Федоровичем Максимычевым, имевшую место в первой половине 2000 года, с реалиями конца 2006 года.

И. Максимычев полагал, что происходит « возрождение германского имперского духа, но при этом с помощью «маскировочного халата». Что это за «халат»? А дело в том, полагает И.Максимычев, что в своей политике ФРГ «прячется за спину то США, то НАТО, то англо-французов» (С. 201).

Ответ Б.С.Орлова был четким и ясным: «Признать как реальность то обстоятельство, что Германия добровольно вхо-

дит в состав Европейского Союза, и отныне будет проводить свою внешнюю политику в согласовании с другими участниками этого объединения, человеку, воспитанному в традициях советского МИДа, дело непростое, в том числе и в психологическом плане. Статья после воссоединения крупнейшей во всех смыслах европейской державой и играть по одним и тем же правилам с каким-то там Люксембургом или Голландией, с точки зрения старой геополитики, вещь малопонятная. Тут что-то не так, и немцы хитрят, дожидаясь своего часа, рассуждает такой традиционный геополитик» (С. 201). По прошествии без малого семи лет обоснованность подобных рассуждений доказывается реальным курсом официального Берлина в международных делах.

Будучи восточноевропейцем, автор постоянно держит в уме соответствующее измерение германского феномена. Он, прежде всего, целенаправленно ищет ответ на вопрос: «Что общего и особенного между русскими и немцами?» В книге приводятся интересные высказывания, на сей счет со стороны российских и немецких мыслителей. Б.С.Орлов с одними тезисами соглашается, другие оспаривает. Он считает, что есть основания «говорить о взаимодействии политических культур России и Германии... Германия среди европейских государств в наибольшей степени понимает происходящее в России. А, предвидя различные повороты в политике этой страны, она жизненно заинтересована в том, чтобы Россия не была источником угроз – военных, экологических и всяких других. Ее интересуют и возможности освоения экономического пространства России в том цивилизованном виде, как это имеет место в сложившейся мировой практике» (С. 72).

Вместе с тем опытный исследователь постоянно дает понять, что не следует преувеличивать общий знаменатель политических культур ФРГ и Восточной Европы. Б.С.Орлов соглашается с «выводом берлинского историка (Х.Шульце. – М.С.) о том, что современная Германия полностью повернулась в сторону западной культуры в ее североатлантическом варианте, как бы утрачивая при этом роль связующего звена с политическими культурами стран Восточной Европы» (С. 105).

Таким образом, постсоветская германистика обогатилась еще одним фундаментальным трудом.

УДК 82:1

Ямчук Павел

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ КОНСЕРВАТИВНЫЙ ИДЕАЛ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

/ несколько суждений о книге Ю. Потолкова «Строка и чувство», Брест, 1999 г. /

XX столетие как знаковый финал материалистической атеистической идеологии нашло своё отражение в художественной литературе Европы и мира в целом. Но, и это совершенно закономерно, наиболее полно и наиболее панорамно – отражение мы имеем в тех литературах, которые презентуют народы, наиболее пострадавшие от тоталитарных диктатур. В данном случае мы ведём речь прежде всего о русской литературе. Исследование такой литературы в полном охвате возможно лишь тогда, когда и она, и историко-социальные события, которые стали ее причиной, ушли в прошлое. Ещё лучше, если взгляд на такую литературу высказывает этнически близкий к российской ментальности, но зарубежный учёный. Хорошо, если подобный взгляд оказывается не только неангажированным, опережающим, но и неординарным. Таким, который соединяет научный и образно-творческий подход к осмыслению феномена литературы, которая вынуждена

была находиться в условиях тоталитаризма и одновременно отражать наисложнейшие философские и социальные проблемы бытия общества и нации.

Ведя речь о приведенных выше теоретических положениях, мы имеем в виду кроме общетеоретического дискурса рецензированную монографию белорусского учёного Ю. Потолкова «Строка и чувство», изданную в Бресте в 1999 году.¹ Эта книга удачно иллюстрирует высказанные нами тезисы. Коснёмся более внимательно хотя бы нескольких концептуальных положений этой монографии. Структурно она складывается из разделов-статей, посвящённых некоторым знаковым фигурам или чаще – художественным произведениям. Обращает внимание, к примеру, исследование творчества А. Платонова / «Коммунистические ночи» /, в котором Ю. Потолков формулирует один из основных оценочно-мировоззренческих концептов видения российской реальности и литературы тоталитарной эпохи, ци-

Ямчук Павел, доктор филологических наук, Одесский государственный университет, Украина.

¹ Ю.Потолков. Строка и чувство. – Брест, 1999 г.

тируя и комментируя ранние статьи тогда ещё радикального материалиста-безбожника А. Платонова: «Дело социальной коммунистической революции – уничтожить личность и родить её смертью новое ... мощное существо ... коллектив ... одного борца и с одним кулаком против природы ... Не покорность ... молитвы и упования изменят мир, приблизят царство Христово, а пламенный гнев ... горящая тоска о невозможности любви. Тут зло, но это зло так велико, что оно выходит из своих пределов и переходит в любовь ... Мы нашли того Бога, ради которого будет жить коммунистическое человечество». Приведенные факты говорят сами за себя ... Само появление подобных мыслей – факт печальный, если не чудовищный» /С. 12-13/.

Просим прощения за столь обширную цитату, но она даёт возможность понять основной концепт постпросвещения и его рецензию автором монографии. То, что казалось очевидным для радикального материалиста в 1920-м году, вызывает философский ужас у учёного конца столетия. Моментом истины является отношение к христианству как к семиосфере, консервативно спасающей человека от зла. То, что вызывает революционную ненависть у автора времени военного коммунизма, справедливо комментируется учёным в сопоставительном аспекте с помощью исследования текстов того же автора конца 1920-х годов.

Имеется в виду анализ произведения «Усомнившийся Маркар». Название этого раздела – «Платоновский Гамлет». Определённая парадоксальность концепции совсем не мешает, а наоборот – оттеняет философскую глубину тех социальных конфликтов, которые переживались российским обществом периода насильственного насаждения социализма и разрушения личности. Только конфликт здесь, в отличие от классического шекспировского, не межличностный, а между человеком и своеволием периода. Очень точными видятся нам наблюдения Ю. Потолкова над текстом А. Платонова: «Платонов спорит не с частностями. Ему неприемлема система, поставившая целью привести общество в некое неподвижно-счастливое состояние ... Это сейчас мы начинаем осознавать, что нет общества несчастнее, чем идеально-счастливое общество ... Платонов расставался со своими иллюзиями периода военного коммунизма. «Научные люди», стоящие на постах и постаментов, поняли, что Платонов раскрыл их главный секрет – то, что они гуманистически бесплодны, душевно мертвы» /С. 41-42/.

Наблюдения учёного касаются не только поэтики А. Платонова, но и более широкой проблемы – осмысления творческой и мировоззренческой эволюции советского художника, которому было дано прозреть. Прозрение это, как справедливо указывает автор монографии, коснулось «sancta sanctorum» постпросветительского тоталитаризма – подмены сакрального профанным, правды – ложью, иконы – коммунистическим плакатом. Миф о строительстве коммунизма был всего лишь тотальным воплощением той глобальной лжи, на что указывает исследователь. Развенчав эту ложь, писатель сразу же стал в восприятии системы врагом большим, чем генерал или маршал враждебной армии. Трагическая судьба прозревшего А. Платонова свидетельствует об этом с исключительной доказательностью. Точно так же, как и судьба упомянутого в подобном контексте, но в другом разделе украинского поэта и литературоведа, символа трагической эпохи украинских советских 1960-1980-х Василя Стуса. Это упоминание свидетельствует о панорамности взгляда учёного на историко-культурный контекст эпохи.

Концептуально выше очерченный нами тезис соотносится с наблюдением автора работы над пьесой «Нашествие» уж никак не оппозиционного советского писателя Л. Леонова. Размышляя о едва ли не главном положительном герое пьесы, автор замечает: «Подстать им предрайисполкома Колесников ... Коллективисты, совершенно беспомощны, когда речь идёт об интересах отдельной личности» /С. 58/. Такое замечание

представляется нам знаковым касательно характеристики духа эпохи, которая стремилась подменить общество коллективом, убрав из социума главную духовную и смыслообразующую функцию, поскольку общество складывается из индивидуальностей, а коллектив, как справедливо заметил идеолог коммунистов В.И. Ленин, является «народными массами». Именно поэтому, что коллективисты оскорбляют личность, они и оказались бесплодны в области всестороннего развития индивидуума.

Примечательной оказывается и обобщающая характеристика эпохи, которую представляет учёный даже в названиях разделов. Так, рассуждая о пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира», Ю.В. Потолков называет этот раздел «Мефистофель, торжествуй». Эпоха постпросвещения в целом, как и эпоха революционных 1920-х годов, является периодом Мефистофеля, периодом коммунистического разрушения храмов и запрещения веры в Бога. А значит – периодом сатаны. Практика украинского 1933, общегосударственного 1937 и других годов, подтверждала тезис о торжестве коммунистического сатаны, который не «не верит» в Бога, а наоборот – верит в Его бытие и именно поэтому смертельно боится Его праведного присутствия в мире.

Этот тезис иллюстрирует ещё один концепт рецензируемой монографии. Речь идёт об анализе Ю. Потолковым романа-антиутопии В. Войновича «Москва 2042»: «Коммунизм же, описанный в романе В. Войновича, – торжество фарисейства. Он держится на системе запретов. Церковь там есть, но безбожная. Бога заменил Гениалиссимус. Коммуняне не крестятся, а звездятся. Вместо «О, Боже», они восклицают «О, Гена» ... эта вера лживая ... /С. 116/.

Практика недавнего бытия церкви на советском пространстве, а в некоторой степени и современная практика лишь подтверждает иронически-грустные замечания и автора монографии, и автора романа. Вывод Ю. Потолкова философски точен: «Не то ли случилось и с большевистской идеей коммунизма? Не она ли на поверку оказалась старой, как мир, машиной насилия и разрушения морали?» /С. 117/.

Иллюзорность коммунистической утопии стала очевидной в полной мере лишь в посткоммунистическое время. Не случайно, что лживость веры в профанное, подмену истинного симулякром в художественном сюжете можно доказать либо предельной абсурдизацией, либо суждениями, которые сопоставимы не столько с конкретикой эпохи, сколько со всей обширностью истории цивилизации.

Неуважение к духовности неминуемо порождает и неуважение к «маленькому человеку». Это неуважение не учитывает «маленького человека», принижает его значительность. В этом состоит сущностная ошибка всех тиранов и тиранических идеологий. Им приходится ненавидеть Бога, большего, чем они, и одновременно обижать тех, кто слабее их. Русская литература XX века стремилась забыть / к её чести – неудачно / главный завет христианского писателя Н.В. Гоголя, высказанный в «Шинели». Величие русской литературы XX века / эта мысль тезисно проглядывает в монографии Ю. Потолкова / оказывается зримой, как это ни парадоксально, лишь тогда, когда она обращает своё внимание именно на «маленького человека». Стройки века, заводы-гиганты, так же как и коллективы, обезличивающие индивидуума, настоящей литературе категорически противопоказаны вечностью.

«Маленький человек» как будто не защищён никем от тоталитарной лжи. Никем. Кроме Бога. Ю. Потолков недаром обращает своё внимание на, казалось бы, никак не соотносимые с анализируемыми выше им, произведения подлинной российской рок-поэзии 1980-х. Исследователь прав в глобальном. Фигура «маленького человека» является мерилем подлинности, мерилем той правды и простоты, о которой украинский православный философ Иван Вишневский сказал, что она «премудрых делает ещё более мудрыми». Таким

вниманием к «маленькому человеку» отмечена была в пост-просветительских 1970-80-х годах именно рок-поэзия. В частности – произведения трагичного А. Башлачёва, поэтика которого вобрала в себя не только протест вообще, а протест унижения человеческой личности, против неуважения к ней. Этот протест близок гоголевской и гонимой украинской бароковой, на раннехристианские источники ориентированной, философии. «Грибоедовский вальс», в котором «маленький человек» трагично и пародийно отождествляет себя с Наполеоном, на самом деле является поэмой о нереализованности / точнее – о невозможности реализации / универсальной личности в постпросветительском веке. Лживая канонизация человека из народа оборачивается настоящей трагедией. Трагедию эту простить нельзя. В. Симоненко, гениальный украинский поэт, пророчески высказал: «Доказів мало. Доказамі будує лантухі вкрадених вір і надій». По поводу А. Башлачёва и его основных образов автор работы справедливо замечает: «Абсолютный Вахтёр не обязательно Иосиф или Адольф. Он многолик. И не обязательно наделён властью в государстве. Личность Абсолютного Вахтёра проступает и в каждом цинике, способным дорисовать рога любой иконе» /С. 119/. Этот тезис перекликается с основной предостерегающей христианской темой последователя Н.В. Гоголя – Ф.М. Достоевского. Речь идёт о всеохватности бесовства. Про его всемирную греховность, которую победить могут лишь светлые силы, которые на святотатство не способны.

Суждения автора монографии по поводу феномена А. Башлачёва продолжают в такой коннотации: «В его внут-

ренне, горькой иронии критики видят традиции В. Маяковского и Д. Хармса ... главный соавтор Башлачёва – время. Эпоха, когда система, родившаяся в 1917 году, окончила свой монолог, но не услышала аплодисментов» / С.121 /. Это наблюдение является характерным для обобщающего осмысления ситуации просвещения, согласно которой само время формировало и одновременно деформировало творческую индивидуальность художника. Ключевой здесь нам представляется мысль о том, что эпоха, которая называла себя наиболее гуманистической, справедливой, в финале «не услышала аплодисментов». То есть была вознаграждена по-христиански, без зла, но по заслугам.

Заметки о монографии Ю.В. Потолкова были бы неполными, если бы мы не обратили внимание ещё на один аспект. Им является помещённые в книге образные поэтические видения автора тех произведений и идей, которые рассматриваются в научном аспекте. Они оказываются своеобразным дополнением концепции книги, которое ещё больше очерчивает неординарность взгляда художника и учёного на трагичное в социальном плане и прекрасное в плане эстетическом в XX столетии.

Подводя итог нашим заметкам, несмотря на желание высказаться широко, выскажемся лаконично. Концептуально, содержательно, научно и художественно-образно книга представляется значительным вкладом в осмысление феномена XX века, в осмысление поэтики русской литературы объективным зарубежным учёным посттоталитарного периода. Хочется пожелать автору дальнейшего научного творческого труда в этом перспективном ключе.

УДК 301(383)

Стрелец М.В.

ОБРАЗЕЦ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Рецензия на книгу: Журба М. А., Кондратюк Г. М. Етнополітика більшовицького режиму та проблеми народної освіти в Криму (20-30 рр. ХХ ст.): Методичні рекомендації. –

К.: “М.П. Леся”, 2005.-199 с. – Бібліогр. С. 179-197. Журба М.А., Кондратюк Г.Н.

Этнополитика большевистского режима и проблема народного просвещения в Крыму (20-30 гг. ХХ ст.): Методические рекомендации. - К.: “М. П. Леся”, 2005. - 199 с. - Библиогр.: С. 179-197

Известно, что образовательная политика представляет собой системное понятие. Её может серьёзно анализировать историк, политолог, социолог, философ, культуролог в одном лице. Внимательное ознакомление с рецензируемым трудом неоспоримо свидетельствует, что его авторы – доктор исторических наук, профессор Киевского национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова Михаил Антонович Журба и его весьма перспективный ученик кандидат исторических наук, доцент Крымского инженерно-педагогического университета Григорий Николаевич Кондратюк выступают именно в данном качестве. Системный анализ образовательной политики коммунистических властей в Крыму в 1920-1930 гг. явился основой для достижения украинскими учёными следующих результатов.

1. Капитально проанализирована вся доступная литература, посвященная историографическому и источниковедческому аспектам образовательной сферы в Крымской АССР в 1921-1939 гг. в контексте этнополитики большевистского режима. Впервые предложена оригинальная и убедительная периодизация изучения этого аспекта крымской истории.
2. Комплексно исследованы организационно-правовой, концептуальный, практический аспект коренизации на примере Крымской АССР.

3. Впервые прослежена дифференциация в корпусе субъектов политического процесса в подходе к содержанию образовательной политики в данном регионе в анализируемый период.
4. Полноценно реализован историко-сравнительный метод при показе основных тенденций в развитии образовательной сферы у крымских татар, немцев, евреев, греков, которые проживали в 1920-е – 1930-е гг. в Крыму.
5. Впервые в украинской историографии детально исследована региональная система национального профессионально – технического образования в конкретно-историческом разрезе.
6. Сформулирована принципиально новая оценка деятельности коммунистической номенклатуры по формированию крымского педагогического сообщества в 20-е – 30-е гг. прошлого века.
7. Выявлено соотношение между установками атеистического государства, догмами марксистско-ленинской идеологии и общечеловеческими ценностями в образовательной политике властных структур Крымской АССР.

Несомненно, книга украинских ученых вызовет большой интерес среди студентов, преподавателей, научных работников, всех, кто интересуется историко-педагогической тематикой. Она представляется весьма актуальной в свете непростых реалий современного постсоветского пространства.